

ПРИЛОЖЕНИЕ

В настоящую монографию мы включили статью, написанную М. Рожанским весной 1990 года, то есть именно в те дни, когда группа «Историческое сознание» завершила свою работу по сбору «писем об истории». Версия этой статьи была опубликована на немецком языке в сборнике, посвященном пяти годам «перестройки»¹⁷¹.

Статья перед данной публикацией подверглась лишь косметической стилистической редактуре. Естественно, мы отказались от какого-либо вмешательства через четверть века в содержание статьи, потому что цель публикации текста в этом сборнике - напомнить о той ситуации, в которой было принято и осуществлено решение спасти от уничтожения письма читателей об истории, и дать представление о тех позициях и мотивах, которыми руководствовалась исследовательская группа.

Михаил Рожанский

История: ответы на непоставленные вопросы

Апрель 1990 года

Апрель 1990 года. «Смотрите, думайте, и делайте так, чтобы это никогда не повторилось», внушает нам в финале фильма прозрачный голос безгрешного человека. Дикторские интонации – один из точнейших признаков времени. «Другие и Сталин» – часовое повествование о рождении культа личности, о том, как создавали его Анри Барбюс и Бруно Ясенский, Зиновьев и Бухарин, Киров и Радек. Нас призывают всмотреться: вот дальновидный злодей Сталин, вот одержимый идеей Троцкий, а вот льстецы, политиканы и простаки, проложившие Сталину дорогу к власти. И найдена нужная интонация: «Зиновьеву вторит Каменев», «Даже на похоронах Бухарин держится рядом с Кобой», «Сейчас Сталин обнимает Бухарина и перемолвится с Каменевым»... Каждому персонажу отмерена своя доля сарказма: одна – Бруно Ясенскому, другая – Бернарду Шоу, третья – Никите Хрущеву. Мастерские нюансы, многокрасочная раскованная интонация в обращении с прошлым. И исследовательская «беспристрастность»: почему Ежов позволил себе сесть в присутствии

¹⁷¹ Rozanskij Michail. Geschichte: Antworten auf nicht gestellte Fragen// *Perestrojka: Zwischenbilanz/von Klaus Segbers - Suhrkamp: Frankfurt-am-Main, 1990, ss.345-366*

Сталина, с кем перемолвился на трибуне и кого обнял будущий диктатор? Ощущаешь себя старшекласником, просматривающим учебный фильм, который поможет сделать цветным и увлекательным пересказ соответствующей главы учебника. Только все стало красочней и раскованнее, чем в учебных фильмах 1960-х и уж гораздо многоцветнее, чем в «Кратком курсе», которому более полувека. Лишь интонация, мастерская интонация диктора, да сосредоточенность на товарище Сталине, осуществляющем свой замысел, да еще то, что авторам вопросы нужны только для того, чтобы привести учеников к заранее известным ответам, почему-то заставляют вспомнить о «Кратком курсе».

Берега из милицейских фуражек и поток людей, который течет на футбольный матч или на митинг. Камера плавно опускается и в какой-то момент становится ясно, что люди идут спиной вперед. Так начинается фильм Альгиса Арлаускаса и Елены Иллеш «Прохождение пути» – метафорой эпохи, пересматривающей свою родословную. Недавно мы были убеждены, что все течет естественным руслом, теперь не менее очевидно, что это было и есть движение вспять. Лишь иногда и ненадолго искушаем себя вопросом: а не зависит ли направление пути от того, на какой высоте камера?

Отрывной календарь на 1989 год отметил 21 декабря как день 110-й годовщины со дня рождения И.В.Сталина, деятеля международного рабочего и коммунистического движения. На оборотной стороне листочка можно было прочесть о заслугах И.В.Сталина, возглавлявшего индустриализацию страны и, в целом, курс социалистического строительства, о его вкладе в победу над фашизмом, а также о нарушениях социалистической законности, связанных с культом личности. Календарь появился в продаже осенью 1988 года. Маленький листочек вызвал бурю, которая больше походила на имитацию бури. Редкое издание из тех, что утверждает себя как «левое», упустило шанс возмутиться составителями календаря, которые «хотели бы повернуть время вспять». За полгода до этого все также дружно высказались по поводу «письма Нины Андреевой» и тогда это было заявлением о позиции, теперь позиция была подтверждена и, пожалуй, позиция сильного. Существовал (он до сих пор существует) «синдром обратного хода» – вошедшее в генотип тревожное ожидание термидора или политики сдерживания. Листочек стал поводом лишний раз предупредить тех, кто высказывал малопопулярные уже взгляды. Поэтому можно было слукавить, не

заглянуть в выходные данные календаря и не увидеть, что он сдан в печать в ноябре 1987 года (такие у нас издательские сроки) через две недели после юбилейного доклада Горбачева. Текст календарного листочка вполне соответствовал тем абзацам доклада, которые были посвящены Сталину, но так же, как эти абзацы, не очень стыковался с остальными частями исторического раздела доклада. Тогда М.С.Горбачева никто не упрекнул ни за противоречия, ни за признание сталинских заслуг, ни за то, что были отмечены фигурой умолчания такие важные события как Финская война или присоединение Бессарабии. Многие к тому времени и в своих мыслях, и в своих высказываниях (даже в печати) продвинулись гораздо дальше, чем доклад, одобренный ЦК. Но в текст доклада и интонации генерального секретаря напряженно вслушивались – устанавливалась веха, после которой станет ясно, грянет ли новое модернизированное переиздание «Краткого курса» или нас ждет дальнейшая ликвидация «белых пятен» в истории и процесс переоценок.

К ноябрю 1987 года внимание к истории диктовалось не столько желанием прояснить родословную происходящего, сколько жаждой понять, как далеко это происходящее зайдет. «Что мы можем знать об истории?» звучало почти как «На что мы можем надеяться?». Степень гласности была индикатором намерений руководства и главным признаком перемен. В свою очередь, индикатором гласности была степень «пересмотра» истории. У этой причудливой ситуации была предыстория.

Первым заметным знаком, что время перемен касается и взглядов на историю, стала статья Юрия Афанасьева «Прошлое и мы». Статья не очень известного по тем временам историка и совсем неизвестного политика была опубликована осенью 1985 года в «Коммунисте» и формулировала задачи исторической науки в связи с новыми рубежами социализма и, даже, в подготовке к XXVII съезду КПСС. Привычно и похоже на преддверие любого прежнего съезда. Не очень привычным было другое – критический пафос по отношению к конъюнктурщине и к идеализации прошлого, совсем непривычным – перечисление «вымирающих» тем историографии и предупреждение, что «советская историография» может стать теоретически худосочной. История 1930-1950-х годов в качестве вымершей темы еще не называлось, тень Сталина автор не беспокоил. «Коммунист» был журналом, подающим «сигналы» – о статье говорили как о знаке, с надеждой или осуждением.

С весны 1986 года некоторые издания своими историческими публикациями как бы проверяли степень даруемой «сверху» свободы. В апреле «Огонек» опубликовал статью о Николае Гумилеве и его стихи. Стихи человека, расстрелянного якобы за участие в антисоветском заговоре, да еще в номере журнала с большим портретом Ленина на обложке – это была сенсация, правда, ограниченная средой либеральной интеллигенции. Постепенно начался процесс возвращения «вычеркнутых» имен – и каждое такое возвращение приносило с собой маленькую сенсацию в сфере истории, поскольку каждый некогда запрещенный писатель или произведение были связаны с какой-то «закрытой» исторической темой или позицией. И такие маленькие сенсации накапливались.

Прорыв произошел в начале 1987 года и назывался «Покаяние». До того, как фильм Тенгиза Абуладзе появился на экранах, среди интеллигенции кругами расходилось «фильм о Берии, неужели выпустят?». Фильм оказался не о Берии, а о бериях. Бурные обсуждения и дискуссии вокруг него склоняли имя Сталина и решались на параллели с фашизмом.

Кинофильмы художественные и, особенно, документальные играли главную роль в возвращении имен, в расширении круга исторических тем и обнародованных фактов, в том, что постепенно отодвигались пределы для суждений. Но фильмы, если и вызывали обсуждения, то не слишком бурные и не очень долгие. Дискуссии возникали вокруг книг. «Зубр» Д. Гранина, «Новое назначение» А. Бека, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Белые одежды» В. Дудинцева позволили ставить вопросы к дню сегодняшнему, рассуждать о нелучших свойствах и даже врожденных пороках социальной системы. Буря к лету 1987 года разразилась вокруг романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Автора интересовала в первую очередь духовная биография советских мальчиков и девочек, со Сталиным все ему все было ясно. Дискутирующих волновал именно Сталин, мотивы его действий, ибо Рыбаков взял на себя смелость обнажать эти мотивы, выпукло показать в своем антигерое черты преступника и мещанина на троне. Сталин был разоблачен как деятель, чуждый социалистических идеалов, и эти идеалы, такие близкие для советских мальчиков, предавший.

«Покаяние» и «Дети Арбата» обсуждались на фоне постепенно умножавшихся публикаций о 1930-х годах. Они еще не шли сплошным потоком, но каждая находила свое место в общественном сознании и заставляла усомниться в символах социа-

листической веры. В заметках о сегодняшнем дне прибавлялось число социальных пороков, доступных описанию, исторические же публикации позволяли думать, что пороки – в родословной системы. В конце лета – осенью 1987 года публикации о репрессированных в 1930-е годы большевиках стали регулярными. Особенно заметен был «Огонек», сосредоточившийся на «сталинской» теме. Публикация историка В. Поликарпова о Федоре Раскольникове, в текст которой было вставлено письмо добровольного изгнанника, продвинула оценку сталинского режима и к формулам «деспотизм» и «произвол», а стихи Анатолия Жигулина впервые в открытой печати высветили зверства ГУЛАГа. Штрих за штрихом под рубрикой «1917-1987» (и аналогичными рубриками в других массовых изданиях) создавался фон для юбилейного доклада. Генеральный секретарь публично пообещал, что доклад станет *вехой*.

Сталин и соратники обвинялись в перегибах и преступлениях, о Февральской революции было сказано с симпатией, помянули теплые ленинские слова о Бухарине, а не только его грехи. В остальном оценки не слишком отличались от прежних – несколько изменились акценты. Был обещан новый учебник истории партии, но главное было сказано следом на пресс-конференции: доклад не догма, нужно двигаться дальше. И в течение нескольких ближайших недель различные издания смогли убедиться: шлагбаум действительно поднимается. Движение стало набирать темп.

Публикации о репрессиях обрушились лавиной, поражая воображение и смущая умы. Стирались «белые пятна», отбрасывалась выпрямленная схема исторической поступи КПСС и советского народа. Весной 1988 года появилась еще одна важная историческая тема – тема Русской православной церкви. Накануне празднования тысячелетия крещения Руси празднику неожиданно придали почти официальный характер – во всяком случае санкционированный верховной идеологической властью. Количество публикаций стремительно нарастало, их тон постепенно достигал подобострастия и раскаяния, но роль этой темы в переоценке дореволюционной российской истории казалось позднее – через год и более. Отметим только, что с самого начала тема была единодушно подхвачена изданиями, которые уже развернули вокруг оценки советской истории, ее персонажей и событий нешуточные схватки друг с другом.

Административный контроль за гласностью в сфере истории не исчез совсем – за многими «отповедями», контратаками угадывалась санкция, высказанное «наверху» мнение, а самые при-

мечательные кампании по идеологическому отпору проходили при активном участии «Правды» и «Советской России» – органов ЦК партии. Так было с шумной кампанией, развернувшейся в начале 1988 года вокруг пьесы Михаила Шатрова «Дальше, дальше, дальше», опубликованной журналом «Знамя» – официальные опасения подрыва устоев и идеалов соединились с раздражением историков-профессионалов и с горячим протестом читателей, не желавших переоценивать прошлое. Пьесе Шатрова было уделено важное место и в письме Нины Андреевой. Шатров беспощадно судил Сталина от имени Ленина, с позиций революционных идеалов и представил фигуру преступника-отступника как актуальную, не ушедшую со сцены. Атаковали Шатрова, пытаясь отодвинуть назад тех, кто зашел уж слишком далеко в выводах, в переоценках. Другая шумная компания – в середине 1988 года развернулась вокруг высказываний и статей Юрия Афанасьева, участники стремились предотвратить недопустимое – признание, что цели, которые провозглашала революция, не достигнуты. Однако симпатии общественного мнения были явно на стороне критикуемых, а наиболее активные и популярные издания находили возможность осторожно или прямо высказаться в их поддержку.

К моменту появления листочка отрывного календаря было очевидно, что процесс обнародования исторической правды, переоценки прошлого уже не поддается контролю сверху. Был стремительно пройден путь от эфемизма «культ личности» к категорическому «сталинщина» и к обсуждению вопроса о том, какое отношение к деспотизму и произволу имеют революция и социалистические идеалы.

Возвращение к «Краткому курсу» уже не грозило...

Но в дружном осуждении отрывного календаря, в ответах «сталинистам» звучали и знакомые интонации победившей позиции по отношению к заведомо неверной – интонации безгрешных обвинителей. Казалось, возвращение к «краткому курсу» было отменено юбилейным докладом Горбачева и активным напором демократической прессы, но это возвращение состоялось. «Краткий курс» – кривое зеркало нашей истории – разбилось на множество зеркал, каждое из которых претендует на полноту и точность отображения.

«Краткий курс», его дети и внуки

Первым научным термином, заменившим эвфемизм «культ личности», стала «административно-командная система». Ввел его в оборот Гавриил Попов весной 1987 года, анализируя «с точки зрения экономиста» роман А.Бека «Новое назначение». Сделан был шаг вперед – термин, не столь резкий, как «тоталитаризм», по сути означал ту же систему полной и беспредельной власти, распоряжающейся всем и всеми. В отличие от охранительского «культ личности» новый термин решительно отверг нелепое сведение репрессий, ГУЛАГа, казарменного быта людей, военной катастрофы к качествам Сталина и его окружения. И поставил акцент на том, что сложилась система, с экономической необходимостью предполагавшая ГУЛАГ, бесчеловечность, малопривлекательный железобетонный человеческий тип (который в своем честном варианте «с точки зрения экономиста» заслуживает, конечно, сочувствия). Термин был быстро усвоен, стал общим местом и универсальным объяснением любого события, любого явления советской жизни. Административно-командная система исчерпывающе объясняла и факты своего собственного разрушения.

Апофеозом утверждения нового термина стал I Съезд народных депутатов, на котором этим словосочетанием уже свободно оперировали как раз те представители данной системы, которые недавно обрушились на Гавриила Попова за попытку создать фракцию.

Понятие «культ личности» подчеркивало случайность происшедшего и относительную легкость избавления от него. С понятием административно-командной системы было легализовано мнение о закономерности этого феномена и его актуальности. Вскоре это мнение стало очевидным и несомненным. Историческое сознание привыкло воспринимать историю как необходимый и жестко детерминированный (пусть с зигзагами) процесс, а потому так стремительно возникли и привлекли массовое внимание концепции, с неумолимой логикой и однозначно показывавшие причины возникновения этой системы, ее мрачную неотвратимость. Вспомним лишь некоторые из них, имея в виду, что мы не можем заниматься детальным разбором, а должны выявить особенности жанра как такового.

В конце 1987 года известный философ Анатолий Бутенко, которому удалось в самую тяжелую пору эпохи «застоя» легализовать тему противоречий социализма, впервые публично изложил в журнале «Театр» концепцию, широко распростра-

ненную в общественном мнении: советская история – история формирования новой бюрократии, противостояние интересов бюрократов интересам народа и дает рисунок советской истории. Впоследствии наиболее популярным интерпретатором этой концепции стал молодой Сергей Андреев, сосредоточившийся на задачах сегодняшнего дня. Причины формирования всемогущей бюрократии указываются различные: неорганизованность общественного производства, господство государственной собственности, монопартизм, сталинская контрреволюция аппаратчиков против революционеров и т.д.

Одновременно со статьей А.Бутенко появилась статья Игоря Клямкина, в которой он постарался отрезвить читателей шокирующим утверждением: «улицы, ведущей к Храму, не было и быть не может». Философ, который несколько лет назад как незаурядный методолог убедительно критиковал жесткий детерминизм, теперь, обратившись к анализу истории, показал, что сталинский режим и неудачи его демонтажа жестко обусловлены всей предреволюционной историей России и, главное, наличием в ней типом работника.

Ужасы, через которые мы прошли, и колдобины, о которые мы спотыкаемся – неизбежный путь России, отставшей от всемирного магистрального пути, на который еще предстоит выйти по трудной тропе. Такой взгляд может подкреплять и противоположную эмоциональную оценку – «патриотическую». В особенности российского пути причины и оправдание жестокого до деспотизма кормчего, на долю которого выпала самая тяжелая и неблагодарная работа, но который провел Россию через самый трудный его отрезок.

«Сталин – Ленин нашего времени» – формула, введенная в пропагандистский арсенал почти шесть десятков лет назад Емельяном Ярославским, получила вторую жизнь в неожиданном смысле. Сталинские преступления предстали естественным и неотвратимым воплощением большевистского духа, продолжением ленинской практики. Ленинская «партия нового типа» обернулась сталинским «орденом меченосцев». Мораль подпольщиков и экспроприаторов стала почвой для произрастания палачей ГПУ. Различные варианты такой схемы стали публично проговариваться весной 1989 года. Разница в трактовках связана с различием политических позиций и степени симпатий (или ненависти) к Сталину и большевикам. Возникают и все новые варианты.

Соединение Ленина со Сталиным – позиция привычная как для националистов (не только великорусских), так и для носи-

телей либерально- западных идеалов. Те авторы, которые не желают ставить под огонь критики социализм как общественный идеал, обходят вопрос о связи «семнадцатого» и «тридцать седьмого» или дифференцируют большевиков, втискивая сталинскую политику в одну из тенденций большевизма. В любом случае возникает неловкая и красноречивая фигура умолчания, которая делает более убедительным аргументы критиков Ленина, подходящих к большевизму предвзято и плоско, со своей однолинейной меркой, но все же, как к целостному явлению.

Сталинизм – догматическое воплощение в жизнь ошибок марксовской системы. Наиболее развернуто это мнение представлено в статье философа А.Ципко, вызвавшей бурную реакцию. Тема доктринальных истоков сталинизма позволила почти обойти фигуру Ленина и, оставаясь в рамках социалистической лексики, в то же время предъявить социализму либералистские претензии. Сталинизм закономерно вытекает из Маркса, а Ленин.... Что ж ... Ленин – несостоявшийся, к сожалению, шанс пути к социализму. Маленький, впрочем, шанс – обстоятельства более располагали к сталинскому доктринерству.

Завершать обзор наиболее популярных трактовок советской истории приходится версией (точнее, вариантами версии), откровенно националистической, но без которой невозможно представить идейные схватки вокруг литературы. Согласно этой версии с Ленина также снимается ответственность за сталинские деяния и вина в полной мере (даже более чем на Сталина) возлагается на ленинских соратников с небезупречной по части национальной родословной. Василий Белов воскресил трактовку сталинской политики как осуществления троцкистской программы. И с легкого писательского языка формулу о сталинском троцкизме подхватили в разных идейных лагерях те, кто не затрудняет себя чтением первоисточников. Поскольку Троцкий прочно ассоциируется с абсолютным злом, то и зловещий образ Сталина, подмонтированного к своему антиподу, вполне вписался в «Краткий курс». Виновным Иосиф Виссарионович оказался разве что в недалекости и недомыслии, или в слабости. В пределах этой версии есть некое пространство интерпретаций:

- троцкизм, конечно, не случаен, он выражает наднациональный дух большевизма, носителями которого было ленинское окружение, чуждое России по крови и по причине эмиграции;
- единственный еврей в сталинском окружении Лазарь Каганович играл исключительную роль в выполнении замысла Лейбы Бронштейна (обычно метрические фамилии и имена

напоминаются в скобках после партийных псевдонимов – и это напоминание должно служить самым сильным аргументом о причастности к преступлению) или замысла сионистов, или масонов – сионистов, а евреи из ГПУ и еврей-борзописцы сыграли основную роль в уничтожении русского и других народов;

– наконец, происшедшее в России просто определяется как осуществление плана утверждение всемирного сионистского господства.

Варианты разнообразны, но едино для них убеждение, что прожитая нами история – осуществление замысла, результат заговора или, в лучшем случае, воплощение злых качеств «малого народа», масонов или сионистов на многострадальной русской земле. И заговор этот, замысел или некий абсолютный дух не менее неотвратимы в своем осуществлении, нежели непреложные исторические законы.

Как сопрягаются непреложность истории и зловещая роль личностей, компаний заговорщиков, национальных пороков?

А они не сопрягаются, они просто механически соединяются и такое соединение не вызывает каких-либо вопросов, ибо вполне отвечает двум основным требованиям: формально-логической простоте (синоним убедительности) и идеологической чистоте (синоним истины). Этого достаточно, чтобы вопросов не замечать. Откроем вновь «Краткий курс» и напомним себе, что революция – осуществление гениального ленинского плана и что гениальность плана была обусловлена знанием неотвратимых законов истории. В знании абсолютной истины, собственно, и состояла гениальность.

Но разве не из этой главы «курса» вытекает идеологически выдержанный (в духе иной позиции) взгляд А. Ципко на историю как на неудачное воплощение плохо продуманного замысла? В этом умении числить себя на стороне истины (супротив несомненного зла) и в этом образе прошлого как неотвратимого (ибо оно, прошлое – логично и вполне объяснимо) теоретические самоделки борцов против сионизма оказываются не менее весомыми, чем ученые построения. Более того, между ними обнаруживается родство, близость к одной и той же колыбели «Краткого курса», от которой, несмотря на смелый полет мысли, концепции, объясняющие советский период истории, оторвались не слишком далеко.

Экзамен по истории

Летом 1988 года выпускные школьные экзамены по истории были заменены собеседованием. Ученики получили возмож-

ность излагать, если решались, факты и мнения, не совпадавшие с убеждениями учителя, и не рисковали получить низкую отметку по предмету. Правда, иногда в результате снижалась отметка по поведению – если ученик особенно настойчиво ставил смущающие вопросы. Постановка вопросов, ответ на которые не известен, всегда воспринималась как дурное поведение. Не только учебники по истории, но и абсолютное большинство ученых трудов напоминали странные задачки, в которых ответы даются одновременно (или прежде) с формулировкой задачи. Неумение ставить вопросы – пожалуй, главная и хроническая болезнь советской историографии.

Интерес к истории, глубокий и неподдельный существовал в истории и в годы, именуемые застойными. Но в перестроечное время кино, массовые издания, романы придали этому интересу массовый характер – иногда, поверхностный, но часто – пытливый. Профессиональный историк оказался в непривычной роли человека, экзаменуемого общественным мнением. Вырос авторитет ремесла историка как открывателя правды, но выросло одновременно и неуважение к историкам как к идеологическим служакам, столько лет правду замалчивавших.

Профессиональная среда историков по поводу своих корпоративных проблем почти не высказывалась. В марте 1987 года «Советская культура» опубликовала интервью Юрия Афанасьева, где он откровенно сказал о невозможности нормально и честно заниматься отечественной историей, об атмосфере идеологического надзора и конъюнктуры, в которой формировались нынешние поколения историков. Резкость была ограничена «правилами игры»: историки партии критиковались за отступление от решений XX и XXII съездов партии. Профессиональная историческая среда ощущала себя вполне зависимой от партийного слова, от официального мнения и не торопилась за редким исключением входить в дискуссии вокруг сталинизма. Интонация ожидания окрашивала дипломатичные фразы: «Нужно время, чтобы осмыслить новые факты». К счастью, позицию выжидания и выгадывания занимали не все. Пусть немногие, но пытались воспользоваться «оттепелью» тем отважнее, чем неустойчивее, ненадежнее казалась идеологическая погода. После юбилейного доклада число специалистов по истории, вышедших в массовые издания, умножилось. Прибавились авторы, которые из своих «охранительных убеждений или в силу раздражения по поводу активной беллетристики непрофессионалов, стали высказывать свое мнение публично. Вводились новые факты, оспаривались слишком

резкие суждения. Наиболее заметны были два типа поведения. Первый – кабинетный ученый, дотошный фактолог, который стал писать в газеты и журналы, обнаружив общественный интерес к своей теме, он использует гласность не для пересмотра истории, а для ликвидации «белых пятен» в основном ясной картины. Второй – идеологически мыслящий субъект, отстаивающий честь мундира и непреложность основных идейных оценок советской истории, предупреждающий, что стирание «белых пятен» не знает меры и превращается в «очернительство».

Подобные позиции не столь просты, чтобы от них легко отмахнуться. Их сила не только в идеологической поддержке, но и в том, что их сторонники стремятся последовательно говорить от имени фактов (за исключением наиболее идеологизированных вариантов, которые не входят в наш предмет). Новые же концепции советской истории, хотя и выросли на фоне всеобщего внимания к новым фактам, на фоне увлеченности восстановлением правды и апеллировали к фактам, но особых трудностей в обращении с ними не испытывали. Здесь, пожалуй, «Краткий курс» – не основная причина, хотя в большинстве концепций идейные соображения явно идут впереди выводов также как в «Кратком курсе». Да и легкость выкладывания схемы из камешков событий, эпизодов и цитат заставляет вспомнить учебники, вышедшие все из той же книжки. Вся постоктябрьская история сводилась к защите и осуществлению ленинского плана построения социализма, а теперь на основе одной сквозной идеи пишется цикл статей, плавно излагающих историю нескольких десятилетий.

Смелость в выстраивании концепций оправдана как поиск новых подходов, обозначение проекций, которые при наложении и корректировке способны дать более объемную картину. Но концептуальность слишком легко переходит в схематизм, поскольку в методах, подходах, в мыслительных привычках разделены абстрактное и конкретное, логика категорий и уважение к факту. Иначе говоря, нет единства абстрактного и конкретного: абстракция – синоним псевдотеоретической схемы, конкретное – псевдоним эмпирии. И это, увы, хроническая болезнь. Авторы наиболее расхожих концепций советской истории – философы, социологи, экономисты, литераторы, то есть те, кто не испытывают трудностей в обращении с историческими фактами. В свою очередь, тот, кто профессионально занимался предметом «История СССР» – сформировался как трудолюбивый пахарь, разрабатывающий свою узенькую тематическую делянку. Он не готов и не считает

себя вправе выдвигать концепции, правда, охотно и обоснованно эти концепции критикует с фактологических позиций.

Зеркальное отражение разрыва теоретической работы и фактографии – многочисленные житийные повествования, в которых история вылепливается из эпизодов, анекдотов, фраз, как из пластилина, и таким образом история сводится к жизнеописанию тиранов и шутов, каждый разговор, жест, каждое застолье наделяются смыслом. Закономерное становится случайным, ибо связано с эпизодом жизни смертного человека, но и случайное благодаря этому приобретает смысл знаменательного и, значит, фатально неотвратимого¹⁷².

Шумный общественный интерес и профессиональная среда историков находятся в непростых отношениях: отношениях взаимных обвинений и в то же время, заставляя друг друга меняться.

Бурная переоценка истории и гласность «без берегов» означала для тех профессионалов, кто этого хотел, возможность отбросить идеологически выдержанную учебниковую схему и утверждать независимость от околонучных чиновников. По сути возобновился процесс, робкое начало которого было заморожено в конце 1960-х начале 1970-х годов. Попробуем прояснить перспективу тех историков, которые в этот процесс включились. Сравнение с остановленными двадцать лет назад и запущенными вновь часами – точная характеристика для многих из ринувшихся сейчас в политику шестидесятников. Она редко применима к тем из историков, для которых 1960-е были лучшими годами профессиональной жизни. Но и последующие годы были прожиты и часто продуманы.

«История ВКП(б). Краткий курс» – не просто идеологическая установка, а последовательное воплощение (и художественная метафора) той исторической схемы, которую утвердили в качестве марксистской концепции истории. Согласно этой схеме человечество, благодаря прогрессу техники и напору угнетенных классов, поступательно, формация за формацией восхо-

¹⁷² Фигура Сталина приобрела такой масштаб, что вся советская история кажется тенью, отброшенной этой фигурой. Сегодня гораздо больше внимания к конкретной персоне, чем в термине «культ личности», но при обилии обнародованных фактов портрет стал более чехо очерченным, но остался непроработанным. Не появилось и удовлетворительного термина для объяснения системы и ее для удобства обозначают по главному символу: сталинская, сталинистская, сталинский социализм. Символ (хотя, как его свести к символу) таким образом, как бы уже и демиург: «сталинисты», «сталинско-брежневский Верховный совет» (это о совете образца 1989 года). Понятно, что фрагменты биографии генералиссимуса («агент охраны», «параноик») вырастают до чина разгадок истории.

дило к Великому Октябрю. Великий Октябрь был неотвратим, он возвестил близкий и неизбежный приход нового общества, утверждение человеческого счастья на всей земле. Современная эпоха – эпоха противостояния двух систем, одна из которых – абсолютное зло, другая – средоточие всех мыслимых достоинств. Любое событие может быть понято и оценено только как столкновение двух систем, только с точки зрения классовой борьбы. И точно также оцениваются любые события и персонажи дооктябрьского прошлого человечества. Концепция не могла существовать просто как заучиваемая схема, она должна была составить основу «советской исторической науки», одерживающей победы над продажной буржуазной историей, вобрать в себя и освоить весь тот материал, который используется буржуазными историками для смущения умов. Но, кроме того, советская историческая наука обязана увлекать молодые умы. В 1950-е годы, в канун смерти Сталина, по его высочайшему решению советские историки приступили к грандиозной задаче – изложению всемирной истории в соответствии с учебниковым марксизмом и мессианской ролью России. При осуществлении этой задачи и произошел надлом, совпавший с политической «оттепелью». Советская «Всемирная история», пытаясь сохранить привычные идеологические оценки, спотыкалась о них и не могла продвигаться только с помощью всемогущего классового анализа. На место жесткого формационного подхода вставал иной принцип – целостного мирового рассмотрения, синхронологический срез эпохи превращался в живую картину с хронологически выдержанной историей стран и народов, с богатым фактическим материалом, которым владели исследователи, опирающиеся на пронесенные через лагерь или компромиссы историографические традиции и наследие своих учителей. В лучших статьях первых томов возникал динамичный образ эпохи, но «Всемирная история» вновь натывалась на принятые идейные оценки и предрассудки своих авторов, отступала и рассыпалась на каталожные карточки фактов. Недоверие к концептуальным поискам, симпатии к эмпиризму как признаку трудолюбия и научной добросовестности – все это входило в генотип работающих историков, входит и сейчас. «Оттепель» сняла страх, но сохранила требование идейной выдержанности и заставляла быть осторожным, тем более приучали к осторожности последующие годы. «Краткий курс» перестал служить учебником, но породившая его концепция сохранила себя:

- историческая схема довлеет над исследованием и исследователем;

- ученый не считает возможным и нужным брать на себя задачу теоретического обобщения, методологической работы;

- любая эпоха и страна, любое событие рассматриваются под углом того значения, которое им придают идеологические выводы из современной ситуации.

В 1960-е годы стал преодолеваться вульгарный экономизм. - социальная психология, духовный опыт людей, картина мира - все это включалось в предмет историка. Правда, менее всего в предмет специалиста по отечественной истории.

Насильственно прекращенные или ограниченные (из осторожности и конъюнктуры) направления мысли не исчезли. Чаще всего в новых идеологических условиях они нашли «непрямой» выход - реализовавшись в тех сферах исторических исследований, в которых диктат идеологического начальства был послабее. «Охранительство» чиновников и добровольное «охранительство» столпов науки, оберегавших власть над своими исследовательскими вотчинами, наиболее резко сказались в историографии России и СССР. Диктат усугублялся и тем, что эта область историографии наиболее раздроблена на темы и темочки, распределенные между секторами, отделами, кафедрами и учеными, ревниво следящими друг за другом.

Благодаря всему этому, среди прочих профессиональных групп именно специалисты по отечественной истории отличаются особым эмпиризмом и недоверием к теоретической работе. И к тому уровню анализа, который востребовала сегодня общественная и научная ситуация, готовы оказались немногие историки. Если востоковеды, медиевисты имеют вкус к теоретической работе и ее навыки, если специалисты по истории мировой культуры и те же востоковеды считают обязательным включение в предмет духовного мира людей и структур их сознания, то положение не безвыходное, есть основания, чтобы надеяться. Исследовательский опыт оказывается незаменимым для отечественной истории - потому, что многие из них вторгаются в пределы «советологов» и потому, что развитие методологии подготавливается новой картиной всемирной истории.

Но перспективы ученого сообщества - отдельная тема. Вернемся к нашему кино. В двух фильмах - альтернативы исторического сознания, которые становятся ключевыми и для профессиональных историков.

«Другие и Сталин». Фильм вполне мог называться «Сталин и другие», но что-то остановило авторов и они поставили «дру-

гих» на первое место, отметив таким образом кроме масштаба персон и свое понимание причин-следствий. «Другие» - разгадка возвышения Сталина и моралитэ фильма. И в этой стилистике «урока истории» ясно звучит, что уроки не усвоены самими учителями. Никак не удастся главное - отказаться от взгляда сверху вниз, вести диалог на равных.

На равных с кем?! С преступником Сталиным?! С беспринципным Зиновьевым? С наивными Бухариным и Шоу? И с ними, и со всеми другими придется вести диалог, если намереваемся жить в истории осознанно. Когда ищешь свой путь, духовный опыт других, даже духовный опыт преступника необходим тебе, хотя бы для того, чтобы не повторить их путь. Вот этот урок - урок уникальности человеческого опыта нам не дается. Мы остаемся по отношению к прошлому эгоцентристами, не открывая равных себе даже в гениях. Гений - либо объект поклонения, либо шельмования, но не собеседник, не говоря уже о наивных и обманутых. За подобным отношением - свойства самой истории, которая по сути - рассмотрение прошлого как предпосылки настоящего и будущего. Но не столько это...

Двадцатые-тридцатые годы (и не менее - последующие) как бы отменили историю. Прошлое было лишено полноты, и мы уже не могли в нем искать живое движение, истоки, предтеч. Прошлое стало жалкой тенью, прологом к увековечившей себя «новой эре». Отличник заучивал «плюсы» и «минусы» исторических персонажей, но и ученики, знаниями не обремененные, достаточно усваивали право выносить вердикты, расставлять по местам. Не будем утрировать (а это модно) и вспомним, что были персонажи, вызывавшие сопереживание. Благодаря кинематографу, беллетристике был трагический Грозный Эйзенштейна, а Спартака, Овода, киношных Суворова или Петра, безусловно, любили. Но круг персонажей был невелик и достаточно канонизирован, чтобы за пределами экрана превратиться в атрибуты идеологии. И спектр чувств, которые позволены и привычны, был отчетливым: любовь, ненависть, презрение. Если возникало сопереживание, то было подозрительно как первородный грех перед безупречным идеалом. Сейчас круг персонажей изменился, благодаря возвращению имен, и сузился, замкнувшись почти исключительно на возвращенных именах.

Оценки легки, доступны. Право на оценку несомненно. Приниженность, изначальная греховность человека в нашем обществе могла превращаться либо в высокомерие перед «недорослями» из прошлого, либо в приниженное поклонение перед

«великими личностями». Человек, живущий в мире, где поступок подчинен принятой норме и судьба – произволу власти, редко имел привычку ставить перед собой неразрешимые вопросы и, естественно, лишен был потребности и умения чувствовать вопросы в прошлом¹⁷³.

В кинофильмах и книгах шестидесятых-семидесятых годов ходульных героев не стало меньше, но пришло немало героев живущих, страдающих, думающих над неразрешимыми вопросами. И всё же, оценка продолжала доминировать и те неразрешимые вопросы, которые отличают человека нравственного от человека морального в обычай не вошли.

Эпоха полагала себя вершиной и смыслом истории. Близость идеала обязывала людей быть достойными идеала – чистота помыслов и откровенность отношений вменялась как долг, вменялась себе и окружающим. Высокий смысл эпохи придавал ясный и прозрачный смысл каждой фразе, каждому поступку, предъявляя высший счет. Но высокий смысл эпохи оправдывал любые средства, признанные низкими в мире, не отягощенным давлением надличностного идеала. Когда эпоха лишилась своего высокого смысла, выродилась в мир функционеров, пользующих идеалы как правила игры, когда низость средств и персон, действующих от имени идеала, вызвала нежелание иметь с идеалом дело, смысла лишилась и человеческая жизнь. В человеческой жизни не осталось места для смысла – повседневность была презираема, а повседневные заботы второсортны.

«Прохождение пути». Кинолента движется назад, увлекая с собой человеческие фигуры, машины, предметы. Чеканя шаг, лицом к Мавзолею отходит от него почетный караул. Улыбающаяся толпа демонстрантов покидает спиной вперед Красную площадь. Стрелка часов на Спасской башне вот-вот дернет-

173 Блестяще спародировала стиль наших отношений с предками расхожая песенка времен «оттепели»:

«Офелия – гамлетова девчонка
Совсем, братишки, спятила с ума,
Потому что датская сторонка
Хуже, чем наша Колыма.
...И ходит Гамлет с пистолетом,
И хочет кого-то убить,
И стоит вопрос перед Гамлетом:
«Быть или не быть».

Естественно, что мы знали в отличие от Гамлета, как правильно на этот вопрос отвечать, если опираться на знание законов истории.

ся на деление назад и, кажется, появятся знаменитые кадры из «Октября» Сергея Эйзенштейна и назад побегут красногвардейцы, покидающие Зимний дворец, слезут с его железных ворот революционные матросы.

Но история не прокручивается назад, даже если движение времени утрачивает смысл.

В фильме Арлаускаса есть эпизод, который сначала воспринимается как кошмарный. Мужчины разбирают оградку на кладбище, женщины относят венки. Землекопы раскапывают могилу, поднимают гроб, чтобы погрузить в катафалк. Лента прокручивается до воскрешения покойника и мы видим, что это главный герой фильма – тот самый, что спал, уронив голову на старый томик Ленина, спал на рассвете и под вечер, в компании с телевизором, извергающим новости и пассажи экстрасенса. Мы понимаем, что эпизод с воскрешением разыгран, и до нас доходит, что воскрешение человека ничего не изменило в этом мире. Но в жизни иной порядок человеческих чувств, чем на киноленте. Чудо воскрешения должно преобразить лица, которые на киноленте остались горестными. Должно... Оказалось, что у нас непростые отношения с чудом воскрешения.

За последние годы к нам вернулось невероятно много имен, но не всегда вместе с именами вернулись люди. Реабилитация, стирание «белых пятен» раскрыли перед нами бездну человеческих страданий – и революционера Николая Бухарина, и крестьянина Ивана Твардовского, и советского мальчика Саши Панкратова, и врача-«сиониста» Якова Рапопорта. Был момент – я его отчетливо помню, – когда, казалось, что люди стали добрее. Люди сопереживали героям книг и журнальных публикаций и, наверное, многие примеряли к себе судьбу жертв произвола, с которой разошлись на несколько десятилетий. И кто-то ставил себя на место человека, сговариваемого в доносчики или шантажируемого мучениями близких, и решал такие нерешаемые и такие жизненные вопросы. А затем чувства схлынули и в письмах, и в разговорах. Нет, сопереживание не ушло совсем, оно, видимо, укоренилось глубже – иначе тысячи людей не приходили бы на раскрытые могилы жертв массовых расстрелов. Но на поверхности осталось иное – разбирательство с жертвами, неуникальная классификация – кто достоин, а кто не достоин сожаления. Когда Евгений Евтушенко написал стихотворение о будущем памятнике жертвам произвола и поместил в соседних строчках имена Блюхера и Якира, литературовед и публицист Лев Аннинский высказал публичное сочувствие, что мы остаем-

ся наивными людьми, что история нас ничему не учит, иначе поэт бы помнил, что Блюхер был в числе подписавших приговор Якиру, а соседство имен жертвы и палача оскорбительно. На несколько месяцев героем стал Федор Раскольников, отважившийся в одиночку поднять голос против сталинского произвола и измены делу революции. Но вскоре в примечаниях к публикуемому наследству Михаила Булгакова появилась строчка, свидетельствующая, что в бытность руководителем «культурного фронта» Раскольников был активным запретителем драматургии булгаковских пьес. Позже подобные примечания появились еще не раз и о подвиге Раскольникова вспоминать стали реже. И резонно: как поминать добром гонителя, как сожалеть о пособнике убийц?! Риторические вопросы, но ответы на них перестают быть очевидными, как только вопросы складываются в один общий: а есть ли безвинные?

Как снять ответственность с любого человека, жившего в подсудное время? А если не снимать, в праве ли мы наделять равной ответственностью жертв и их палачей? Могут ли быть равными в своем страдании люди, неравные в своей вине?

Вопросы оказались слишком трудными для решения, а нерешаемые вопросы принято не замечать или отвечать на них категорично. Смысл таких нерешаемых вопросов в нашей способности задавать их себе и каждый раз заново их решать. Но в моде категоричные однозначные ответы – к этому располагает идеологизированная атмосфера времени. В прошлое, в общество предков опускаются критерии идеологического отбора, выделяются «свои» и «чужие». Свои могут быть только невиновными и потому они идеализируются, чужие ответственны за всё. Бухарин предстаёт сегодня перед судом не только за то, что способствовал возвышению Сталина, не только за то, что обосновывал насильственное перевоспитание, но и за своё легковерие и за слабование, и за то, то прощание с молодой женой выглядит слишком сентиментально. Саша Панкратов осуждается за то, что он – «ребёнок Арбата», а дети большевистской элиты заслужили своё. И нечего жаловаться на ссылку, поскольку крестьянские дети умирали от голода в родных деревнях. С Павлика Морозова срывается нимб пионера-мученика, поскольку он донёс на отца. Заодно праведной в своём гневе оказывается родня, убившая в отместку мальчишку. Выясняется, что Николай I «все-го пяток декабристов повесил» и потому надо переоценить его роль в истории. А столыпинские репрессии не заслуживают осуждения, поскольку они ничтожны по сравнению с репрессиями

Сталиными и поскольку Петр Столыпин имел прогрессивные намерения. И чуть ли не главной жертвой революции предстала царская семья – смешались раскаяние наследников революции, монархический трепет, антисемитская злоба. Раскаяние, оказывается, злобе не помеха.

История стала орудием сведения счетов и ареной гражданской войны. Особенно активны в этой гражданской войне те, кто послереволюционную Гражданскую войну полагают преступлением большевиков. И интонация... Именно, интонация, унаследованная от уличаемых и разоблачаемых других придает нам уверенности. И не оказываемся ли мы этими самими другими, которые в уверенности, что творят «новый мир», развязывали новую войну.